КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Мы продолжаем публиковать работы, подготовленные для журнала участниками Третьей международной конференции «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности», которая состоялась в нашем университете 26–28 апреля этого года. Ниже представлены статьи исследователей из Екатеринбурга, Тюмени и Челябинска, объединенные выдвинутой Л. А. Заксом идеей культуроцентризма современной диалого-коммуникативной системы общества.

УДК 130.3 + 130.2:62 + 130.2:57 + 159.922.2

Л. А. Закс

СОВРЕМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ/РЕВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ СОЗНАНИЯ
(на примере философии и социогуманитарных наук)

Статья посвящена анализу радикальных изменений, происходящих в культуре (в самом ее широком понимании) во второй половине XX — начале XXI в. Культурологически осмыслены основные радикальные инновации в природопреобразующей (технико-технологической), информационной, социально-организующей, духовной подсистемах культуры. Выделяются два их фундаментальных следствия. Первое: тотальное доминирование в жизни людей культуры как «искусственной» среды обитания, отодвигающее природу (как внешнюю, так и внутреннюю) на второй план, превращающее ее во многом в подчиненное культуре явление. Второе: становление новой, глубинной макропарадигмы культурного сознания — культуроцентристской, репрезентирующей специфическую реальность, бытийное лидерство и универсальную роль культуры. И все больше конкурирующей с базовой макропарадигмой культурного сознания на протяжении тысячелетий — природоцентристской. Показано утверждение новой парадигмы в философии и социогуманитарных науках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура, революция/эволюция в культуре, инновации в основных подсистемах культуры, новая социальность, тотальное доминирование культуры и новое, подчиненное положение природы, природоцентристская и культуроцентристская парадигмы культурного сознания.

© Закс Л. А., 2018

Хотя наша конференция посвящена современным коммуникационным трендам, я не буду говорить о самих этих трендах. Моя тема — это та фундаментальная основа, «база», на которой эти тренды, как и многое другое в современной информационно-коммуникативной и духовной культуре, возникают. И в контексте которой существуют. Пока на эту связь следствий (изменений во всех сферах бытия и сознания наших дней и тенденций их развития) и причин (радикальных изменений в самих основах культуры и социокультурного существования людей) обращают явно недостаточно внимания. Что связано, я думаю, с одной стороны, с по-прежнему дефицитом реального системного видения и понимания общества как социокультурной системы, а с другой — с пока не случившимся осознанием, а потому и «неучетом» происходящих сегодня радикальных изменений в самих основах культуры, ее сущностной макроструктуры, и влиянием этих изменений буквально на все сферы общественной жизни, человеческого существования и сознания.

Итак, речь об этих изменениях, начавшихся еще в 1960–1970-е гг. прошлого века и продолжающих «набирать обороты» в веке нынешнем. Изменениях, затрагивающих все бóльшие подсистемы и все «уровни» организации и функционирования культуры, т. е. носящих системный социокультурный характер, хотя одни аспекты/проявления изменений уже вполне рельефны, а другие (как правило, это следствия первых) только-только дают о себе знать. В названии статьи, вопреки формальной логике, сами интересующие меня изменения обозначены «оксюморонно»: эволюция/революция. Объясняется этот «странный» терминологический выбор просто: изменения, о которых идет речь и которым предстоит (боюсь, что имею право на эти слова) до неузнаваемости изменить жизнь людей и самое специфику рода Homo sapiens, органично сочетают в себе черты эволюции и революции.

Об *эволюции* мы имеем основание говорить, поскольку эти процессы носят мирный (ненасильственный) и в целом весьма «плавный», «постепенный» и, как уже ясно, длительный характер, лишены резкой скачкообразности (и в этом, историческом, масштабе и смысле «одномоментности») изменений революционных. Но сам характер изменений столь радикален — настолько существенно (качественно) меняет характер (содержание и формы) отношений человеческого рода с природой и с самим собой (обществом), меняет сам системный способ существования общества и человека, т. е. *культуру*, и, благодаря этому, и сами общество и человека, что мы вполне можем квалифицировать идущие изменения как *революцию*. Мирную культурно-цивилизационную революцию, системные масштаб, глубина и значение которой многократно превосходят любые известные нам революции Нового и Новейшего времени, технологические, промышленные, социальные (наша нынешняя соединяет эти и иные виды социокультурных радикальных изменений в системное целое), и сопоставимы с неолитической революцией на заре человечества, ознаменовавшей окончательное выделение и утверждение человека/общества как качественно особой, существующей (воспроизводящейся и развивающейся) на основе культуры биологической популяции (вида).

Уверен, что читатель, даже не очень следящий за растущей литературой на данную тему, наслышан о диаметрально противоположных оценках происходящей

эволюции/революции. От крайне негативных, пессимистических, выражающих катастрофическую (если не сказать — апокалиптическую) оценку (в этом отношении особо показательны работы В. А. Кутырёва [10, 11]), что закреплено в широко используемых сторонниками такого ви́дения и наделяемых катастрофическим смыслом терминах «постчеловек» и «постчеловечество», с которыми корреспондирует и термин «посткультура» (см., например, работы В. В. Бычкова [2, 3]), также акцентирующий не только качественную трансформацию культуры, но и оценку этой трансформации как чуть ли не необратимо кризисной, знаменующей ее регресс, утрату прежней «высокой», или «большой», культуры. И до (безудержно или умеренно) оптимистических, мажорных, исходящих из убеждения в возможности/способности человечества контролировать изменения, подчинить их интересам человечества и человека, нейтрализовать и преодолеть возможные риски и угрозы, возникающие в процессе изменений (см., например, работы Д. И. Дубровского [4] и его коллег-единомышленников [5]). Представители такой позиции верят в разум и его этические основания и могли бы свою убежденность выразить словами одной героини романа Томаса Манна «Доктор Фаустус»: «Человеческого понимания на все достанет».

Не скрою, при всех оговорках: при осознании противоречивости прогресса и его рисках/угрозах, включая пока даже не предвидимые нами, но и уже предвидимые возможные негативные последствия работы и «самодвижения» новых технологий, я совершенно не разделяю катастрофизма (хотя признаю его отчасти позитивное значение как «предупреждения» человечеству), а занимаю умеренно оптимистическую позицию. Одним из весомых оснований оптимизма служит богатейший исторический опыт человечества, каждая ступень в развитии которого, каждый радикальный шаг в обновлении материальной и духовной культуры рождали серьезные проблемы и угрозы, чреватые, казалось, регрессом и «концом» рода человеческого. Но эти, последние, позитивно разрешались, преодолевались (при ряде неизбежных потерь), а сами поставленные на службу человечеству новшества открывали огромные новые возможности, новые степени свободы рода человеческого и в целом вели к системному прогрессу совместной жизни людей на планете Земля. Об этом, кстати говоря, выразительно напомнил Умберто Эко в своей знаменитой лекции, сравнивающей изобретение письменности с изобретением книгопечатания и, далее, компьютера [14, *7–31*]. Как и два первых изобретения, вызвавших небезосновательную критику (негативные последствия внедрения письменности, в частности, отмечал Платон), компьютер тоже «редуцирует» некоторые полезные субъективные умения и навыки. Но, как и они, компьютер невероятно расширяет и усложняет информационную культуру человечества и каждого человека, становясь основой невиданных прежде возможностей, расчетных (вычислительных), мнемонических, архивных и коммуникативных. А нейтрализация его недостатков — проблема и дело самих людей, способных использовать это великое изобретение (как и большинство иных, например, энергию атома) как во благо себе, так и во вред.

Прежде чем начать разговор о происходящих изменениях в культуре, принципиально важное уточнение, или уведомление, касающееся содержания понятия

«культура», как оно понимается в этом тексте. Не в первый раз автор этого доклада (а теперь и статьи) с упорством известного древнеримского сенатора, твердившего «Карфаген должен быть разрушен», повторяет и настаивает: культура — предельно широкое понятие, интегрально (системно) характеризующее объективный и всеохватный (присущий всем сторонам коллективной и личной жизни, всем видам и аспектам отношений с миром и самим собой) *специфический способ существования человеческого рода, человеческих коллективов и индивидов*. Он охватывает все без исключения виды, формы, средства и способы (программы) вне(над)биологической активности, создаваемые самими людьми и имеющие поэтому «надприродный», «искусственный» характер. Культура как объективный универсальный феномен поэтому несводима (вопреки давней, по философской сути — идеалистической, традиции, закрепленной не только ментально, но и институционально, «ведомственно») ни к сфере искусства (что особенно популярно), ни к сфере высших духовных деятельностей в целом (= ее духовной подсистеме), ни к более широкой сфере производства, накопления, трансляции и использования внебиологической информации (= ее информационной подсистеме).

Столь же устаревшим и методологически контрпродуктивным представляется до сих пор пользующееся признанием разделение и противопоставление культуры и цивилизации (О. Шпенглер), разрывающее атрибутивно свойственное людям, сообществам людей неразрывное единство материальной и духовной жизни, единство «социального» (совместности человеческого существования и структурирующих и выражающих эту совместность/коллективность социетальных отношений) и «культурного» (реализующих коллективность жизни искусственных, т. е. создаваемых самими людьми, практик, форм, инструментов и программ). И если раньше, до опыта XX и начала XXI в., еще можно было сомневаться в многосторонней системной целостности культуры, то сегодня, в свете новейшего исторического опыта, такая позиция представляется крайне близорукой и совершенно беспочвенной. Цивилизация вовсе не антипод культуры (моя позиция об их соотношении в рамках целостности культуры изложена в [6]). И основные сферы «социального» (такие, как экономика, политика, право, образование, здравоохранение и т. д.) также отнюдь не существуют где-то вне системы культуры, а нераздельны с ней, принадлежат ей [7]. Что получает адекватное выражение в представлении об обществе как социокультурной системе и требует отказа от ряда теоретических и практических, социально-управленческих стереотипов (выражаемых, например, в таких стереотипных словосочетаниях, как «экономика, политика и культура», «образование и культура», «здравоохранение, культура и спорт» и т. п.). А более всего манифестируют и подтверждают системность культуры и, значит, взаимозависимость и взаимовлияние всех ее подсистем, социокультурных сфер и феноменов/элементов именно современные радикальные инновации, захватывающие (последовательно и параллельно) все эти компоненты культуры и ведущие к радикальной трансформации и самой культуры-системы, и производимого ею общества, жизни каждого человека, и — что самое фундаментальное и существенное — к принципиально новому

качеству существования общества и человека на основе еще не бывалого прежде соотношения между культурой и природой.

Теперь можно перейти к самим изменениям в культуре в их основном объективном содержании и важнейших следствиях, по возможности воздерживаясь от оценок «далеких» последствий («за» или «против»).

Согласно взглядам К. Маркса и тех, кто разделяет его материалистическое понимание истории, первичным источником серьезных изменений социокультуры[1] выступает обновление-развитие «производительных сил»: технологии, техники и самих людей-производителей с их способностями, умениями и навыками. На современном языке это не что иное, как важнейшие компоненты природопреобразующей подсистемы материальной культуры. Уже в XX в. Лесли Уайт упростил базовый «тезис» Маркса до одних технологий. И хотя «технологический детерминизм» Уайта не раз подвергался критике «слева» и «справа», на сегодняшний день кажется уже очевидным, что именно технология — основанный на знаниях способ деятельности: способ преобразования природных форм в культурные (целесообразные) в любой сфере практики — и есть ключевое звено функционирования и развития. Потому что два других, с ней теснейшим образом связанных (техника и люди-работники), определяются этим, непосредственно вытекающим из знаний об объекте и целях людей *способом* = «как?».

Происходящее в сфере материального производства начиная со второй половины XX в. и есть прежде всего *технологическая революция*. Но, как уже ясно из сказанного, речь идет о сцеплении, союзе знаний и технологий или, иначе, науки и производства. Нематериальные научные знания, которые во второй половине XX — начале XXI в. напрямую определяют новейшие технологии производства, таким образом, прямо по Марксу, становятся «непосредственной производительной силой», становятся базовым компонентом природопреобразующей культуры. Имея в виду два главных «модуса» преобразуемого этой культурой материального мира, мы можем говорить о технологической, точнее — научно-технологической, революции в отношениях людей с веществом и энергией.

На первом месте, бесспорно, радикальные изменения в работе с веществом[2]. Это не просто инновации-усовершенствования. Они принципиально меняют и сам характер деятельности, производства, отношения человека с ним и, что не менее важно, характер результата этой принципиально усовершенствованной материальной деятельности. Началось с *автоматизации,* превратившейся к концу прошлого века — благодаря революции в отношениях с третьим «модусом» материи, информацией, — в *роботизацию*. Мы видим сегодня скачкообразный рост автоматизации-роботизации во всех аспектах материальной жизни. Начиная

---

[1] Такой операционально удобный термин произвел и использует в своих работах И. П. Смирнов для обозначения слиянности-нераздельности социального и культурного, замены синонимичного, но более громоздкого «социокультурная система».

[2] За неимением места я опускаю разговор об энергетических аспектах (инновациях) технологической революции, тем более что пока здесь успехи более скромные — не столь масштабные и впечатляющие. Так, например, до сих пор нет технологического прорыва в освоении термоядерной энергии, в использовании энергии солнца и возобновляемых видов природной энергии.

с собственно производства разнообразных необходимых людям объектов: вещей (от автомобилей до сложнейших лекарств, от «тряпочного» ширпотреба до компьютеров), услуг (роботы-ремонтники, медсестры, няни и т. п.), пространств (от роботов-проектантов до роботов-уборщиков и объектов развлечения в Диснейленде), «среды обитания» — до экологических природно-культурных комплексов (от охраны территории и пожарной охраны до физико-химического анализа экологической обстановки, оказания первой медпомощи и справочно-экскурсионных услуг). По данным, приводившимся на недавней встрече ректоров вузов России и Казахстана в Челябинске, 45 % существующих видов деятельности уже сейчас, на данном уровне развития, может быть автоматизировано, как и 60 % основных компонентов всех профессий.

Впечатляющего масштаба достиг процесс автоматизации в сфере транспорта. Самолеты-беспилотники выполняют все более разнообразные и сложные военные задачи, к тому же используются уже не только в военной, но и в гражданской авиации. На флоте работают роботы-субмарины, самоуправляемые торпеды, системы автоматического наведения сопровождают весь ракетный арсенал современной армии, включая межконтинентальные баллистические ракеты. Близится эра массового использования автомобилей-автоматов и автоматов-автобусов, троллейбусов и трамваев, обладающих более высокой степенью надежности/безопасности, чем управляемые людьми транспортные средства. Поезда метро уже давно в большой степени работают в автоматическом режиме. И в быту, несомненно, нарастает процесс автоматизации: автоматы стирают, стряпают, удаляют пыль, включают и выключают бытовые приборы и гаджеты и т. п. Но не только в отношениях с внешней человеку природой идет автоматизация-роботизация. Все большую роль играют роботы в отношении самих людей: в сложнейших медицинских операциях и диагностике, протезировании естественных органов, процессах обучения.

Автоматизация-роботизация имеет несколько существенных социокультурных (в том числе культур-антропологических) следствий. О двух хорошо известных можно долго не распространяться. Во-первых, автоматизация освобождает людей от тяжелого, разрушительно влияющего на здоровье людей труда, редко нравящегося труженикам, лишающего их чувства свободы и творчества, «свободной игры духовных сил» (формула как Канта, так и Маркса), подавляющего эти атрибуты человека. Во-вторых, работа с автоматами, управление ими резко повышает требования к образованию и профессиональному развитию субъектов. Так, резко возросла доля инженеров и людей с иным высшим образованием в конвейерном производстве (например, автомобилестроении, ракетостроении), автоматизированных системах металлургической промышленности, микроэлектронике. Широко обсуждается и вызывает законное беспокойство весьма скоро ожидаемое в результате внедрения автоматов и роботов исчезновение целого ряда профессий и, как следствие, угроза растущей безработицы. Но безработица — результат не только этого следствия автоматизации (в конце концов, в результате переобучения можно овладеть новыми профессиями), но и отсутствия навыков высокотехнологичного труда. А имеющих такие навыки,

по данным программы «Деньги» телеканала «Дождь», в России только 10 % трудоспособного населения.

По данным того же источника, к 2025 г. у нас могут оказаться невостребованными 10 млн человек. И еще интересные данные. Самые популярные профессии в России: водителями работают 7,1 % трудоспособного населения; продавцами — 6,8 %; охранниками — 1,9 %. Все эти профессии в перспективе исчезнут вследствие автоматизации и роботизации. Правда, научно-технологический прогресс не только ликвидирует старые, но и рождает новые профессии и увеличивает потребности в ряде старых. Так, в связи с ростом благосостояния населения возрастает спрос на индивидуальные и высококвалифицированные услуги, значит, понадобится больше врачей и медсестер, учителей, тренеров, консультантов всякого рода, семейных юристов (при том, что элементарные юридические консультативные услуги способны и наверняка будут оказывать роботы-консультанты), психологов, коммуникаторов, переговорщиков, медиаторов, «навигаторов» в разных сферах. Понятно, что в разы возрастут потребности в программистах, системных администраторах и специалистах по компьютерному «железу», а рядом появятся новые профессии на основе (и/или с целью) работы с информацией (так, о блогерах сегодня уже нередко говорят как о новой профессии). Понятно, что эти процессы и изменения затрагивают не только природопреобразующую, но и социально-организующую подсистему материальной культуры. Изменение содержания деятельности миллионов людей, исчезновение старых и появление новых их видов означает и изменение социально-ролевой и социально-профессиональной структуры общества, что неизбежно приводит к институциональным изменениям, изменениям форм социокультурной идентичности. Появление «других людей» и «других отношений» ведет и к изменениям содержания и форм социальных коммуникаций, появлению новых профессиональных видов грамотности и компетентности.

И все же главный, фундаментальный и интегральный, иначе говоря — системно-культурный, результат автоматизации-роботизации заключается в другом. Но прежде я должен сказать о еще об одной впечатляющей стороне научно-технологической эволюции/революции, которая вносит свой «вклад» в этот, пока мной не названный общий итог. Точнее, речь о целом ряде типологически родственных (с точки зрения культурологии) «наукоемких» технологий. Их объединяет проникновение в глубины вещества, как неживого, так и живого, и *способность управлять микро-, а точнее — нанопроцессами*. Что означает подлинную революцию в ряде сфер материальной культуры. Когда речь о неживом веществе, это революция прежде всего в материаловедении: основанные на новейших знаниях нанотехнологии открывают невиданные перспективы искусственного создания веществ — материалов с необходимыми свойствами, обещают победу над такими древними врагами техники, как коррозия и износ. А отсюда новый уровень эффективности, надежности и экономичности всех видов техники, всей нашей вещной среды. Когда же речь о веществе живом, о «клеточном» материале растений, животных и самого человека, то здесь бионанотехнологии станут основой революции в растениеводстве и животноводстве (селекция, генная инженерия)

и в практиках фармакологии и медицины, включая и нейромедицину. Они позволят бросить вызов таким неизбежным свойствам биологической материи, как болезни, в том числе генетические, и старение (эпоха трансплантации естественных органов с неизбежно присущими ей рисками сменится в ближайшее время эпохой выращивания новых органов из клеточно-генетического материала самого человека).

И тут я уже могу перейти к формулированию главного, системного результата «революционной эволюции», или «эволюционной революции», культуры. Это *качественно новое соотношение культуры и природы в жизни общества и человека*, даже самого рядового и обыкновенного. Освобождая массы людей от непосредственного, ручного труда, современная техника и технологии фактически совершают переворот в «онтологии» людей и развитого общества в целом. Они, с одной стороны, существенно сокращают, а то и вовсе элиминируют уже и до того уменьшенную городской жизнью со всеми ее атрибутами зону непосредственных практических, чувственных контактов людей с природой, ее «натуральными» веществом и формами. Разрывают, таким образом, изначальную, генетически и фенотипически (психосоматически) закрепленную связь людей с природой. А с другой, беря на себя прямые преобразовательные контакты с природой, сами становятся доминирующей в жизни людей чувственной предметной средой их «обитания», их главным (наряду с социальными формами культуры) «жизненным миром».

В жизни людей самими людьми и их инструментами созданных предметов и связанных с ними пространств теперь существенно больше и их роль существенно значимее, чем натуральных предметов и пространств. А нанотехнологии, означающие проникновение культуры в самые сокровенные глубины материального мира, трансформируют последние, создавая новые, не имеющие аналога в природе или существенно усовершенствованные природные материальные субстраты и подчиняя их логике культуры, ее целесообразности, что, по сути, выражает ту же тенденцию все большего доминирования (не хочется употреблять скомпрометировавшее себя и культуру слово «господство») культуры в ее неизбежном тандеме-союзе с природой. И так не только «на производстве», доля которого в связи с автоматизацией и новыми технологиями тоже — по отношению к целому «хронотопа жизни» — сокращается, уступая место другим, также минимизирующим природные компоненты, сферам «совместности»-социальности существования: обмена (торговли), коммуникаций, работы с деловой и иной информацией, гражданской активности разного масштаба и, наконец, значительно увеличивающего время своего досуга, в котором тоже доминируют «искусственные» формы жизни: развлечения, игры, взаимоотношения с информацией, дружеское и любовное общение, хобби, духовное самосовершенствование. Но досуг — только один из хронотопов, в которых существование человека обращено на самое себя, становится самоцельным.

Уменьшение же присутствия природы и доминирование культурогенных факторов — закономерность всех сфер личной жизни современного человека. Так, его телесное существование, общение с телом (своим и чужим) и «поддержание» нормального функционирования тела происходит по преимуществу

в искусственной среде, с помощью искусственных средств: лекарств и приборов, изобретенных в недавние годы форм телесных практик вроде аэробики, фитнеса, бодибилдинга (не случайно и точно относимых, как и их предшественники, к «физической культуре»). «Дорожка шагов» и другие тренажеры заменяют длинные пешие прогулки, а те, что еще остались, оснащаются культурогенными «скандинавскими палками». Туризм по лесам и горам уступает лидерство туризму культурному: по городам, музеям, историческим местам. А новые современные музеи и культурные центры все чаще располагаются в «парках культуры и отдыха», где культуры все больше, а природы, ставшей лишь площадкой и фоном культурных учреждений, все меньше. Природные парки становятся Диснейлендами, местами проведения театрализованных представлений и фестивалей искусств. И даже в отличных городских парках современного Китая, чья культура тысячелетиями ориентировалась на природу, я с удивлением смотрел на старые прекрасные деревья, обмотанные золотой фольгой и украшенные разной мишурой (чем не символ превосходства культуры?!), на расставленные у водоемов с еще натуральными рыбами рукотворные имитации уток, аистов, журавлей.

Разумеется, можно (и нужно) говорить о негативных последствиях и проблемах, вызванных «элиминацией» природы, о нашей «атавистической» (и вряд ли устранимой) ностальгии по ней и рождаемых самой культурой компенсаторных практиках, утоляющих нашу «тоску по природе» и восполняющих ее реальный дефицит. Но сам процесс носит объективный и, похоже, необратимый характер. Не замечать его, не считаться с ним, не учитывать его уже невозможно. Еще в 60-е гг. прошлого века это констатировал Ж. Эллюль: «Средой обитания человека является теперь не природа, а техника». А в 80-е к такому же выводу, но в более масштабной форме, пришел идеолог и аналитик постмодернизма Ф. Джеймисон: «...наиболее фундаментальное изменение заключается в новом экзистенциальном горизонте этих (современных. — *Л. З.*) обществ. Модернизация практически завершена, и это стирает последние следы не только докапиталистических социальных форм, но и каждого нетронутого природного уголка пространства и опыта, которые поддерживали или сохраняли их. Во вселенной, которая таким образом *очищена от природы*, культура необходимо расширяется...» [1, *74*]. Ну, допустим, «очищена от природы» — явная гипербола. Даже если иметь в виду нашу = культурную вселенную. Но в этой гиперболе — объективная тенденция.

Итак, в результате радикальных инноваций в природопреобразующей культуре возникает, по сути, новое, никогда не бывшее в прежние тысячелетия отношение культуры и природы и соответственно человека с природой и культурой: большая часть времени жизни современных людей, большая часть пространства жизни и большая часть «движения», т. е. самого процесса жизни, — все это происходит в культуре и по ее законам. А природа становится в большой степени экзотической редкостью, потусторонней далекой целью, своего рода жизненным «деликатесом», что влечет человека как возможность выйти за пределы культуры — но это уже требует особых усилий и надолго невозможно. Культура становится правилом, природа — влекущим исключением из него. Не устарела ли в этой связи формула Горького «Культура — вторая природа»?

Но продолжим «обзор» изменений. О том, что происходит в информационной подсистеме культуры, занятой производством, хранением, накоплением и распространением многообразной социокультурной информации, можно не говорить долго: изменения в ней у всех перед глазами и на слуху. А всеми признанное понятие «информационное общество» говорит само за себя. Информационная подсистема, давно ставшая самостоятельной в системной целостности культуры, а сегодня один из главных локомотивов ее развития («триггеров» — как теперь принято говорить в результате как раз распространения и влияния электронных информационных устройств), осваивает постоянные и весьма существенные изменения и в технических средствах получения, хранения и трансляции информации кому, когда и куда угодно, фактически 25 часов в сутки, и в работе с самой информацией: продуцировании новых ее содержательно-формальных модификаций и способов ее социального существования, создающих новую, особую социокультурную реальность, ее растущий масштаб, роль и влияние на все стороны сознания и жизни. Но сейчас меня интересуют как раз не конкретные технологические и образно-семантические новшества (хотя не за горами рождение квантовых компьютеров и практическое использование голографии для хранения информации, рождение новейших способов обработки «больших данных» [13], а это фантастический рывок в информационных возможностях, без которого невозможны ни дальнейшее научное исследование вселенной и генетики человека, ни практическое освоение космического пространства, ни статистические расчеты в современных социальных науках от археологии до футурологии).

Мой культурологический интерес выделяет два важных момента функционирования этой подсистемы культуры. Первый: развитие современной информационной культуры, Интернета и социальных сетей прежде всего, уже привело к созданию особой онтологической (онтофункциональной) сферы культуры: *информосферы*. Эта сфера от начала и до конца — продукт человеческой деятельности и полностью принадлежит миру культуры, выступая сегодня важной самостоятельной сферой и способом человеческого существования, фактором всех сторон его социокультурной жизни — экономики, политики, духовной деятельности и общения, образования и даже, как уже понятно, новых видов военных действий, новой культуропорождающей и существенно (хотя пока не вполне понятно, как именно) меняющей человека силой. В общей же панораме бытия человека в мире информосфера становится важнейшей стороной уже отмеченного процесса изменения соотношения природного и культурного в жизни общества и личностей в пользу реальности культуры и ее закономерностей. Сегодня уже даже самые банальные бытовые, витальные и иные функции, связанные с удовлетворением простейших и древнейших, генеалогически-природных потребностей людей, реализуются с применением информационных технологий, с участием хронотопов, форм и инструментов информосферы, опосредуются и организуются ими (вроде заказа еды и вещей через Интернет, брачных знакомств, любовных отношений и сексуальных игр, получения коммунальных услуг и оплаты за них, консультаций по вопросам медицины, юриспруденции и т. п.). Не говоря об образовании, исследовательской и художественной (творческой

и воспринимательской) деятельности, гражданской активности и политической борьбе.

Впрочем, сфер, где сегодня не используются компьютерные технологии, в человеческом мире не существует. При этом «жизнь в сетях», процессы работы, общения и игры с компьютерной (хотя и не только) информацией уже превратились в самоценную форму/способ существования, общения, самовыражения и идентификации миллионов, миллиардов людей [8, 9], стали их органической потребностью (что хорошо видно по самочувствию и поведению человека, забывшего дома свой айфон или неожиданно лишившегося подключения к Интернету). Понятно, что именно информационная (цифровая, сетевая) культура — технико-технологическая база и способ современной коммуникации, источник новых способов информационного взаимодействия и взаимовлияния людей и общественных групп, важнейший компонент современной грамотности (не считаю удачным модный ныне термин «постграмотность», скорее затемняющий и искажающий реальность, отнюдь не наступившую «после грамотности», а выступающую средоточием ее традиционных и новейших форм).

Второй важный аспект, о котором считаю необходимым тут сказать, — это влияние информационной культуры и ее современной технологической базы на социально-организующую подсистему культуры. Я, напомню, называю происходящие изменения «культурно-цивилизационной эволюцией/революцией». Цивилизация, как я ее понимаю, — это конкретно-историческая онтологическая форма бытия, или бытийная целостность, определенных социокультурных систем. Поэтому говорить о цивилизации невозможно/бессмысленно без учета не только ее природопреобразующего (технико-технологического) фундамента, но и организующего в единое целое людей данного общества социетального «тела»: производимой данной культурой системы форм совместной деятельности и взаимоотношений (институтов, форм общения, форм индивидуального поведения и идентификации) людей и групп. А системное изменение культуры/цивилизации не может не включать изменений социально-организующей культуры, ее важнейших сторон.

Современная эпоха — время таких изменений. У нас на глазах на основе научно-технологической революции рождается новый, по-видимому радикально новый (в сравнении со всей предшествующей историей человечества), *тип социальности*, воплощенный в инновациях социально-организующей культуры. Во-первых, это общество людей, благодаря развитию современной материальной культуры свободных от изнурительного труда, бедности, достаточно высокообразованных и современно оснащенных. Во-вторых, это, несомненно, общество открытое (в смысле К. Поппера), по-новому демократическое, что идет от открытости и демократизма Интернета и соцсетей, каждого признающих в качестве субъекта, соучастника, со-коммуникатора и даже «друга»; общество, что ясно из уже сказанного, толерантное к плюрализму мнений и культурному разнообразию. У этой открытости и демократизма есть проблемная и очевидно негативная стороны. Проблемность в том, что Интернет с сетями соединяет модель древнегреческого полиса с его агорой и принятием решений «общим собранием» (при,

понятно, наличии влиятельной элиты и «охлоса») с грандиозным масштабом интернет-эфирной совместности, вполне способной дорасти до общенационального (общегосударственного) и даже межгосударственного/глобального масштаба. Негативных сторон немало, о них много уже написано. Ограничусь двумя «минусами»: трудностями и недостатками массового коллективного общения, где трудно услышать друг друга, выработать (пока даже непонятно как) общую позицию/платформу, где легко заблудиться и утонуть в море мнений, высказываний-сообщений, в новостном и иных (рекламных прежде всего) информационных потоках; и возникающей в силу доступности и функционального уравнивания всех мнений, точек зрения, культурных уровней и идеологий девальвации ценностного/компетентностного уровня циркулирующей информации и общения и опасности практически (пока) беспрепятственного проникновения на многомиллионную трибуну деструктивных, антигуманных, реакционных и тому подобных экстремистских позиций.

Общество и культура сейчас осмысляют «вызов Интернета»: его специфику и накопленный им опыт в поисках противодействия этим и иным слабым его местам. К сожалению, у нас пока по этому вопросу возникают опасные, несовместимые с природой сетей тенденции (фактически тоже экстремистские, нетолерантные и культурно-психологически крайне примитивные) запрещать и карать за любое свободное выражение собственного мнения, не совпадающего с мнением властей предержащих, тем более критического и протестного. Но надо понимать, что технические возможности Интернета и воспитываемое им (в силу его собственной природы) суверенное субъектное сознание пользователей делают борьбу с его «естественными» демократизмом, открытостью и культурным разнообразием делом практически безнадежным. Так, при сравнительно недавней попытке российских надзорных инстанций (взявших на себя роль руководящего контроля и практически цензуры) запретить деятельность интернет-ресурса Telegram, по данным журналистки Натальи Геворкян, «на волне этого глухого сопротивления Telegram, который закрыли по решению суда 13 апреля, а заблокировать пытаются с 16 апреля, показал рост числа просмотров 70 % из 130 крупнейших Telegram-каналов, в ряде случаев более 100 %, по данным “Медиалогии”. Многие мои друзья именно в эти дни перестали сомневаться, открывать ли им свои каналы в Telegram, и открыли» [12].

Этими чертами особенности новой социальности не ограничиваются, разумеется. Сети и информационные ресурсы/порталы становятся своеобразными аттракторами и центрами новой институционализации, группируя и организуя субъектов и их деятельность как в рамках самой инфосферы, так и в off-line-обществе. Я здесь не останавливаюсь на конкретных технологических и вызываемых ими институциональных новшествах Интернета, существенно меняющих способ функционирования ключевых сфер общества и характер социальных отношений в них (например, интернет-вещи и блокчейн, криптовалюты для рыночной экономики или мобилизующие большие массы людей интернет-практики для социально-политической сферы). Важно, что этот новый способ институционализации хорошо соответствует особенностям гражданского общества и их

институтов и существенно умножает их функциональные возможности. Он также отвечает особенностям молодежи, еще не обретшей своего жесткого социального статуса и роли или уже пытающейся противостоять давлению навязываемых обществом, его традиционными институтами и по каким-то причинам уже чуждых ей, внутренне отчужденных от нее статусов, ролей, идентичностей и дисциплинарных режимов. «Мягкая», минимально формализованная, оставляющая свободу выбора, но также и выхода, интернет-институционализация в гораздо большей мере соответствует возрастным социально-психологическим особенностям молодежи. Многие другие, «разновозрастные», но в одинаковой степени неформальные объединения граждан также находят в сетевых институциях органичные своим интересам, психологии и поведенческому стилю организационные формы, формы коммуникации и общения. Как неформального, товарищеского и дружеского, так и официального, делового; как публичного, так и дружески или любовно интимного; как профессионального, специализированного и в других каких-то отношениях, так и неспециализированного, любительского. Причем эти объединения и контакты в них могут не иметь региональных или государственных границ, создавая многонациональные, поликультурные, межгосударственные общности. Что оказывается важным звеном процесса становления глобального (планетарного) социума, единой мировой социокультурной системы. И глубоко закономерно, что рождение такой системы, знаменующее наступление эпохи планетарного единства человечества, выступает следствием и стороной революционного по сути и мирно-эволюционного по способу осуществления процесса превращения культуры из «второй природы» в главную силу, среду и законодателя существования человеческого рода, опосредующую и отодвигающую на второй план естественную среду и собственную биологическую природу человека. Так сбывается предвидение гения русской науки В. И. Вернадского о *ноосфере*.

(*Окончание в следующем номере*)

---

1. *Андерсон П.* Истоки постмодерна. М., 2011.

2. *Бычков В. В.* Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века : в 2 кн. М., 2008.

3. *Бычков В. В.* Эстетическая аура бытия: Современная эстетика как наука и философия искусства. М., 2010.

4. *Дубровский Д. И.* К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П. Д. Тищенко) // Вопр. философии. 2015. № 3.

5. *Дубровский Д. И.* Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. М., 2014.

6. *Закс Л. А.* О соотношении культуры и цивилизации: онтологическая версия // Мир культуры и культурология : альм. Науч.-образоват. культурол. о-ва России. Вып. 1. СПб., 2011.

7. *Закс Л. А.* Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Социология: современность и перспективы. Екатеринбург, 2013.

8. Интернет и идеологические движения в России : коллектив. моногр. / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. М., 2016.

9. *Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Психология жителей Интернета. Изд. 3-е. М., 2015.

10. *Кутырёв В. А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015.
11. *Кутырёв В. А.* Унесенные прогрессом: Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб., 2016.
12. Наталья Геворкян — о сопротивлении нелепости // Колобок. 20 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www. svoboda. org/a/29176874. html (дата обращения: 22. 08. 2018).
13. *Эйден Э.* Неизведанная территория: Как «большие данные» помогают раскрывать тайны прошлого и предсказывать будущее нашей культуры. М., 2016.
14. *Эко У.* О «растительной» памяти // Эко У. Растительная память, или Почему книга помнит все. М., 2018.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2018 г.

УДК 7.038.531 + 7.067

М. Г. Чистякова

ИНТЕРАКТИВНОЕ ИСКУССТВО КАК ФАКТОР ПЕРЕПИСЫВАНИЯ МИРА

Проблема взаимообусловленности мира и искусства рассматривается в контексте реляционной эстетики Н. Буррио, исследований актуального искусства П. Вайбеля, антропологии искусства А. Гелла, акторно-сетевой теории Б. Латура. Произведение искусства включено в многочисленные сети социальных отношений, оно обладает собственной агентностью, оказывает влияние на другие составляющие сети. Алгоритмы трансформации мира посредством искусства рассматриваются в данной статье на примере интерактивного искусства. Анализируются типы связей, возникающие в процессе художественной коммуникации в таких его проявлениях, как искусство объектное и перформативное.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интерактивное искусство, перформанс, художественная коммуникация.

Мир переписывает искусство

Проблема взаимовлияния искусства и реальности принадлежит, с одной стороны, к числу «вечных»: различные эпохи представляют свои варианты ее осмысления. С другой стороны, она является одной из актуальных проблем современной культуры. Как соотносятся современный мир и contemporary-art в целом и такая его составляющая, как интерактивное искусство, в частности? Какие специфические особенности интерактивного произведения и связанного с ним типа художественной коммуникации оказывают конструктивное влияние на реальность?

Художник и арт-критик П. Вайбель в статье «Переписывая миры. Искусство и деятельность» рассматривает эту проблему в контексте актуального искусства (используя этот термин как синоним contemporary-art). Актуальным для него является искусство, исследующее проблемы настоящего на языке настоящего [3, *274*]. Состояние актуального искусства обусловлено воздействием на него

© Чистякова М. Г., 2018